

МОКШАНСКИЙ РЕЗУЛЬТАТИВ И ДИАХРОНИЯ РЕЗУЛЬТАТИВНОЙ КОНСТРУКЦИИ*

© 2016 г. Алексей Андреевич Козлов

МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, 119991, Российская Федерация;
Институт языкознания РАН, Москва, 125009, Российская Федерация
scripturas@mail.ru

Статья посвящена синтаксису и семантике результивного причастия с показателем *-f* в мокшанском языке. Это причастие может выступать как в собственно результивной конструкции, согласуясь по лицу и числу с подлежащим, так и возглавлять имперсональные клаузы. В первом случае причастие образуется от предельных пассивных предикатов (некоторым образом «навязывая» остальным предикатам требуемые характеристики), а во втором, наоборот, требует неопределенных предикатов с одушевленным субъектом. Кроме этого, описывается различие в семантике частиц *apak* и *af*, обе из которых могут использоваться для отрицания результивного причастия. Для наблюдаемых фактов предлагается диахроническое объяснение в терминах грамматики конструкций.

Ключевые слова: грамматика конструкций, имперсонал, мокшанский язык, морфосинтаксис, перфект, результив

MOKSHA MORDVIN RESULTATIVE AND THE DIACHRONY OF RESULTATIVE CONSTRUCTIONS

Alexey A. Kozlov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, 119991, Russian Federation;
Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, 125009, Russian Federation
scripturas@mail.ru

The article focuses on the syntax and semantics of Moksha Mordvin resultative participle in *-f*. The participle can either be used in a bona fide resultative construction, agreeing in person and number with the subject, or head an impersonal clause. In the first case, the participle is formed from telic patientive predicates (in a way imposing prototypically resultative semantics on other kinds of predicates), while in the second case it demands that the predicate be atelic and its subject be animate. Besides, the difference between two particles *apak* and *af*, both of which can be used to negate the participle, is considered. For the facts observed a diachronical explanation in terms of Construction Grammar is given.

Keywords: construction grammar, impersonal, Moksha, Mordvin, morphosyntax, perfect, resultative

1. Введение

Как известно, в некоторых языках Восточной Европы результивные причастия могут терять свои исходные свойства.

* Настоящее исследование поддержано грантом РФФИ № 13-06-00884а «Исследование морфосинтаксических параметров межязыкового варьирования в уральских и алтайских языках». Кроме того, при написании статьи автору очень помогли замечания П. М. Аркадьева, Д. Д. Дундуа, Т. А. Майсака и М. А. Холодиловой.

В терминах [Haspelmath 1994] прототипическое восточноевропейское результативное причастие ориентировано на объект, т. е. чаще всего в атрибутивной позиции оно релятивизует прямое дополнение, а в предикативной повышает его же в позицию подлежащего. Обозначает оно результат предельного процесса — определенное, лексикографически заданное состояние:

- польский
- (1) *Koza jest przywiązana* — коза COP.3SG привязать-PTCP-SG.F
‘Коза привязана’.
- (2) *Przywiązana koza beczy* — привязать-PTCP-SG.F коза блять.PR.3SG
‘Привязанная коза блеет’.

Но в некоторых языках, например в польском или эстонском, результативные причастия претерпевают очень похожие друг на друга диахронические изменения. Показатель результативного причастия может начать расширять сочетаемость, начав присоединяться к неопределённым или к непереходным глаголам. Потом утрачивается согласование причастия с подлежащим по роду и числу, исходное прямое дополнение становится возможным не повышать в позицию подлежащего и т. д. Диахронически производные конструкции такого рода представлены в примерах (3)—(5) из польского и латышского языков, а также из одного севернорусского диалекта: в отличие от примеров (1)—(2), в них нет ни повышения прямого дополнения, ни согласования.

- польский
- (3) *bi-t-o piotr-a* [Seržant 2011: 363]¹
бить-PR-SG.INVAR Пётр:M.ACC
‘Петра побили’.
- латышский
- (4) *nereti dzirdēts vecākus sākam* <...> [Ibid.]
нередко слышать:PR.M.SG.NOM родитель:ACC.PL сказать:CONV
‘Часто слышишь, как родители говорят, что...’
- СЕВЕРНОРУССКИЕ ДИАЛЕКТЫ
- (5) *zdes' verno u dožž'a byto* [Ibid.]
‘Здесь наверняка был дождь’.

Такой путь диахронического развития довольно хорошо описан и изучен; утверждается, что это одна из многочисленных ареальных особенностей «циркумбалтийского» языкового ареала: похожие явления отмечены в украинском, польском, литовском [Wiemer 2004; Geniušene 2006], эстонском, водском, карельском [Holvoet 2002], в севернорусских диалектах [Tommola 2000], в немецком [Perlmutter 1978] и др.

В этой статье мы намерены описать похожее поведение результативного причастия еще в одном языке, а именно мокшанском. Он принадлежит к мордовской подгруппе финно-угорской группы языков; количество носителей — около 450 тысяч человек на северо-западе Республики Мордовии. Следует отметить, что, в отличие от родственных прибалтийско-финских, мордовские языки (мокшанский и близкородственный эрзянский) никогда не относят к циркумбалтийскому ареалу.

Материал нашего исследования составляют данные центрального диалекта мокшанского языка; они были собраны в экспедициях отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ в 2013—2014 гг. в селах Лесные Сияли, Лесное Ардашево, Лесное Цибаво и Лесное Плуково Темниковского района Республики Мордовии. Каждый

¹ Мы приводим примеры (3)—(5) в том виде, в котором они даны в [Seržant 2011], переводя строку глосс и строку перевода с английского на русский.

из языковых примеров, которые мы приводим в качестве аргументов, был подтвержден (а в случае отрицательного материала — признан неприемлемым) пятью или шестью носителями.

Наша статья устроена следующим образом. В разделе 2 мы кратко опишем те аспекты грамматики мокшанского языка, которые будут важны нам далее, прежде всего систему глагольных категорий и маркирование неглагольной предикации. В разделе 3 мы обратимся собственно к интересующему нас причастию: оно образует две основные конструкции, которые мы условно называем результивной и имперсональной. Разделы 3.1.1 и 3.1.2 посвящены результивной конструкции: в первом из них мы рассмотрим некоторые ее морфосинтаксические свойства, во втором — ее аспектуальную семантику. В разделе 3.2 мы опишем поведение результивного причастия в имперсональной конструкции, а в разделе 4 подведем краткие итоги.

2. Краткие сведения о мокшанской грамматике

2.1. О мокшанской аспектуальной системе

Система видо-временных категорий мокшанского языка выглядит крайне аскетично.

В нем есть три времени — настоящее (которое может также иметь референцию к будущему), прошедшее, а также малочастотный плюсквамперфект, основная функция которого — обозначение так называемого «прекращенного прошлого» [Plungian, van der Auwera 2006].

Большинство непроеизводных мокшанских глаголов не маркированы по виду, т. е. допускают и перфективную, и имперфективную интерпретации:

- (6) *baba-z'ə* *pid'ə-s'* *l'em* *kaftə* *časctə*
бабушка-POSS.1PL варить-PST.3SG суп два час:EL
'Бабушка **сварила** суп за два часа'.
- (7) *məz'ardə* *mon* *suva-n'* *baba-z'ə* *pid'ə-s'* *l'em*
когда я войти-PST.1SG бабушка-POSS.1PL варить-PST.3SG суп
'Когда я пришел, бабушка **варила** суп'.

Такой аскетизм системы словоизменения восполняется, впрочем, большим количеством словообразовательных аспектуальных категорий.

Наиболее регулярной из них является имперфектив, который выражается с помощью морфологически распределенных аффиксов *-n'ə-*, *-s'ə-*, *-nd-*, *-kšn'ə*. Имперфектив имеет крайне широкий спектр значений; в основном это разного рода глагольная множественность, в частности, в нормальном случае показатель имперфектива обязателен в хабитуальных контекстах. В примере (8) мы видим настоящее время от имперфективного деривата; опустить показатель имперфектива в этом контексте невозможно:

- (8) *vas'ε* *ban'ε-t'* *uš-n'ə-si* / **ušci*
Вася баня-DEF.GEN топить-IPFV-NPST.3SG.S.3SG.O топить:NPST.3SG.S.3SG.O
aŋ *jotkši-va* *a* *n'ed'al'εši-va*
NEG суббота-PROL а воскресенье-PROL
'Вася **топит** баню не по субботам, а по воскресеньям'.

Однако глагольной множественностью значения имперфектива не ограничиваются. Кроме этого, он — конечно, только в прошедшем времени — имеет общефактическое значение ('хотя бы один раз в прошлом имело место P'):

- (9) *mon* *šobdava* *suv-s'ə-n'* *pe'l'-əzə-nzə*
я утро зайти-IPFV-PST.1SG у-ILL-3SG.POSS
'Я утром **заходил** к нему'.

Кроме имперфектива, мокшанская система аспектуальной деривации располагает показателями инхотатива, семельфактива и т. д.

Из других глагольных показателей необходимо упомянуть суффиксальный пассив на *-əv-*, который сочетается абсолютно со всеми глагольными лексемами. При переходных глаголах показатель *-əv-* регулярно выступает в качестве маркера пассивного залога (см. (10); в отдельных случаях также декаузатива или рефлексива); с непереходными глаголами он имеет довольно причудливый спектр значений, например возможности (11) или сатуративное (12) (подробнее о семантике этого показателя см. [Стенин 2013], отсюда же три следующих ниже примера):

- (10) *pakrov-s' luv-ənd-əv-i fs'eras'ijскеj praz'n'ik-əks*
 Покров-DEF.SG считать-IPFV-PASS-NPST.3SG всероссийский праздник-TRANSL
 'Покров **считается** всероссийским праздником'.
- (11) *da mon af uja-v-an*
 да я NEG плыть-PASS-NPST.1SG
 'Да я **не смогу проплыть!**'
- (12) *jaɣsa-v-ən' l'em-də*
 есть-PASS-PST.1SG суп-ABL
 'Я **наелся** супа'².

2.2. Правила маркирования прямого объекта

Вторая особенность мокшанской грамматики, важная для последующего изложения, — правила маркирования прямого объекта.

Мокшанское имя изменяется не только по падежу и числу, но и по определенности (в некоторых случаях последняя может выражаться кумулятивно с граммемой падежа); кроме этого, оно может присоединять посессивные показатели. Правда, противопоставление по числу и определенности есть только в трех падежах из 15 — номинативе, генитиве и дативе. Специализированного падежа для маркирования прямого дополнения (как и в родственных эрзянском и прибалтийско-финских языках) нет вообще.

Прямое дополнение в общем случае кодируется двумя способами: неопределенным номинативом и определенным генитивом. Выбор падежа зависит от референциального статуса именной группы³:

- (13) *mon rama-n' kši*
 я купить-PST.3SG хлеб
 'Я купил хлеба'.
- (14) *mon rama-jn'ə t'ε kši-t'*
 я купить-PST.3o.1sg.s. этот хлеб-DEF.GEN
 'Я купил этот хлеб'.

Из примера (14) видно, что если прямое дополнение оформляется определенным генитивом, то глагол принимает показатели субъектно-объектного спряжения, согласуясь по лицу и числу не только с подлежащим, но и с прямым дополнением. Соответствие между оформлением именной группы и типом спряжения глагола жесткое: предложения вроде **Mon raman' kšit'* (с генитивом и субъектным спряжением) или **Mon ramajn'ə kši* (с субъектно-объектным спряжением при номинативе) неграмматичны.

Эта довольно стройная система осложняется еще одной особенностью. Если предикат, во-первых, инкрементальный (типа *pil'əndams* 'пилить, распиливать' или *ažəndams* 'рассказывать, рассказать'), а во-вторых, имеет неопределенное прочтение ('попилил' / 'пилит' и т. п.), то генитив определенного склонения на прямом дополнении становится невозможен.

² Здесь употреблен непереходный глагол *jaɣcams* 'есть', маркирующий пациенса аблативом.

³ Во многом сходная ситуация описана в [Сердобольская, Толдова 2012] для шокшинского эрзянского.

В таком случае определенное прямое дополнение выражается послеложной группой с локативным послелогом *esə* ‘в’ (который, в свою очередь, управляет генитивом), а глагол согласуется по лицу и числу только с подлежащим.

Пример (15) иллюстрирует исходное, локативное употребление послелога *esə*, а (16) и (17) — его употребление в качестве маркера прямого дополнения:

- (15) *mon er'-s'ə-n' s'embə oš-n'ə-n' esə*
я жить-IPFV-PST.1SG каждый город-PL.DEF-GEN в:IN
‘Я во всех городах жил’.
- (16) *t'ε žočk-t' esə mon pil'ənd-an kaftə časctə n'i*
этот бревно-DEF.GEN в:IN я пилить-NPST.1SG два час:EL уже
‘Это бревно я пило уже два часа’.
- (17) *t'ε basn'ε-t' esə vas'ε az-ənd-i n'i pek kuvat'*
этот басня-DEF.GEN в:IN Вася говорить-IPFV-NPST.3SG уже очень долго
‘Эту басню Вася рассказывает уже очень долго’.

Следует отметить, что *esə* обязателен для оформления прямого дополнения только при эпизодической интерпретации предиката. Во всех других имперфективных контекстах, например в хабитуальных, объект может быть маркирован генитивом:

- (18) *kaza-t' an'-n'ə-si an'c'ək t'ed'ε-z'ə*
коза-DEF.GEN кормить-IPFV-NPST.3SG.S.3SG.O только мама-POSS.1SG
‘Козу кормит только мама’.

Мокшанский — язык с *pro-drop*’ом, не только субъектным, но и — в клаузах с формами субъектно-объектного спряжения — объектным. Опущенный субъект третьего лица множественного числа может интерпретироваться в том числе и имперсонально:

- (19) *škola-n'əkə-n' s'olg-əz'*
школа-POSS.1PL-GEN закрыть-PST.3.O.3PL.S
‘У нас школу закрыли’.

Другой способ имперсонализации — нефинитный — будет подробно обсуждаться в разделе 3.2.

2.3. Маркирование неглагольной предикации

Последнее явление, которое необходимо обсудить, прежде чем мы перейдем к описанию результативных причастий, — это маркирование неглагольной предикации.

«Сказуемое изменение имен» в эрзянском и мокшанском неоднократно обсуждалось в литературе, посвященной этим языкам, см. [Коляденков, Заводова 1962; Turunen 2006; 2010; Цыпкайкина 2007; Kholodilova 2015]. Прилагательные, существительные (и в именительном, и в некоторых косвенных падежах) и послеложные группы в предикативной позиции могут (а чаще всего и должны) принимать некоторые «глагольные» флексии.

Во-первых, они согласуются с подлежащим по числу:

- (20) *t'ε kn'iga-t-n'ə polka-sə-t*
этот книга-PL-DEF полка-IN-PL
‘Эти книги на полке’.

Во-вторых, при первом или втором лице субъекта они принимают глагольные лично-числовые показатели:

- (21) *mon daša-s'-an*
я Даша-DEF-1SG
‘Я — та самая Даша’.

В-третьих, при референции к прошедшему времени к ним присоединяется суффиксальная копула прошедшего времени *-əl'*- (формально идентичная глагольному показателю плюсквамперфекта):

- (22) *vel'ə-n'əkə min' pek oc'uv-əl'*
 деревня-1PL.POSS мы.OVL очень большой.OVL-PQP
 'Деревня у нас была очень большая'.

Естественно, в предикативной позиции могут употребляться и причастия. Мокшанский язык располагает двумя причастиями: активным причастием несовершенного вида на *-i/-j* и результирующим на *-f*, которые так или иначе могут быть образованы от любой глагольной основы.

Замечателен тот факт, что имперфективное причастие на *-i/-j* омонимично формам третьего лица настоящего времени:

- (23) *s'ε mora-j loman'-c' suva-s'*
 тот петь-PTCP.ACT человек.DEF войти-PST.3SG
 'Тот **поющий** человек вошел'.

- (24) *s'ε loman'-c' mora-j*
 тот человек.DEF петь-NPST.3SG
 'Тот человек **поет**'.

- (25) *s'ε lomat'-t'-n'ə mora-j-t'*
 тот человек-PL-DEF петь-NPST.3-PL
 'Те люди **поют**'.

«Йотовое» настоящее время характерно именно для мордовских языков — этот показатель не имеет аналогов в родственных языках и не восстанавливается на прафинноугорском уровне; считается, что оно развилось именно из имперфективного причастия на *-i/-j* [Бубрих 1953: 51].

Результирующее причастие на *-f*, которое будет предметом нашего рассмотрения далее, также претерпело сдвиги в значении, и тоже довольно существенные, но гораздо менее тривиальные.

3. Причастие на *-f*: два типа употребления

Причастие на *-f* имеет два существенно разных типа употреблений.

Во-первых, оно может выступать в роли атрибутивного модификатора именной группы (который обычно предшествует вершине) или обычного неглагольного предиката при подлежащем в предложениях того же типа, что и выше в примерах (20)—(22):

- (26) *sa-f loman'-c'*
 прийти-RES человек-DEF
 'Пришедший человек'

- (27) *mon sa-f-an n'i*
 я прийти-RES-1SG уже
 'Я уже **пришел**' (букв. 'Я уже пришедший').

Во-вторых, оно может употребляться имперсонально — без выраженного подлежащего. В этих случаях, вне зависимости от того, как интерпретируется субъект ситуации, личностно-числовой показатель на причастии отсутствует:

- (28) *is'akəmbə klub-sə kiš-n'ə-f*
 вчера клуб-IN плясать-IPFV-RES
 'Вчера в клубе **плясали** (мы / они / только молодежь и т. п.)'.

Семантические и морфосинтаксические свойства причастия на *-f* зависят от того, в какой конструкции оно находится.

В предложениях типа (26) и (27) и набор интерпретаций, и акциональные ограничения у причастия устроены одинаково: если форма может быть употреблена как сказуемое, то она может выступать и как атрибутивный модификатор. Однако картина, которую мы наблюдаем в (28), иная: в имперсональных клаузах причастие накладывает на глагол совершенно другие ограничения. Поэтому мы будем считать, что причастие может образовывать две разные конструкции: результитивную и имперсональную — и обсудим каждую из них отдельно. В дальнейшем мы будем рассматривать только те употребления результитивной конструкции, когда причастие находится в предикативной позиции.

Здесь нужно сделать важное отступление. С формальной точки зрения все употребления причастия, которые будут рассматриваться ниже, являются формами непрошедшего времени — им соответствуют формы прошедшего времени с суффиксальной копулой *-əl'*:

- (29) *mon sa-f-əl'-ən' n'i*
я прийти-RES-PQP-1SG уже
'(К тому времени) я уже **пришел**' (букв. 'Я уже был пришедший').
- (30) *is'akəmbə klub-sə kiš-n'-ə-f-əl'*
вчера клуб-IN плясать-IPFV-RES-PQP
'Вчера в клубе **плясали**'.

Специально формы с копулой мы рассматривать не будем; отметим лишь, что в отношении аспектуальных свойств они отличаются от форм без копулы. Этот фрагмент мокшанской грамматической системы испытал ощутимое влияние русского языка: формы на *-f-əl'* часто употребляются в «официальной» речи, являясь кальками русских конструкций типа *был организован, был проведен*:

- (31) *mirəpr'ijat'ijə kona jota-ft-f-əl' vel'ə-n' admin'istracija-sə*
мероприятие который пройти-CAUS-RES-PQP деревня-GEN администрация-IN
'Мероприятие, которое **было проведено** в администрации села'.

Если основное значение предикативных причастий без элевой копулы — результитивное (как мы увидим ниже), то формы с копулой приближаются к значению обычного пассивного претерита. О похожем поведении русского результитивного причастия см. [Князев 2007: 497—525].

3.1. Результитивная конструкция

3.1.1. Аргументная структура и акциональные ограничения

В терминах [Haspelmath 1994], *f*-овое причастие, несомненно, ориентировано на пациента (patient-oriented).

В атрибутивной позиции оно может релятивизовать, а в предикативной — повышать любые прямые дополнения у предельных⁴ предикатов (так называемый «объектный результитив»). Чаще всего, конечно, таким прямым дополнением оказывается пациент (32), однако, кроме этого, им может оказаться, например, стимул (33):

- (32) *kaza-s' šimber'f sot-f*
коза-DEF весь.день привязать-RES
'Коза целый день **привязана**'.

⁴ Как известно, термин «предельный» может интерпретироваться в русской аспектологии весьма неоднозначно. Здесь мы будем понимать его в духе [Татевосов 2010]: предельные события означают вхождение в состояние, вхождение в процесс или квант мультипликативного процесса. Предикаты типа *спел (песню)* мы называем предельными, а типа *пел / попел (песню)* — непредельными. Так как мокшанские глаголы аспектуально не маркированы, чаще всего они допускают и предельную, и непредельную интерпретации.

- (33) *gelguž-s' n'i n'ej-f ki-s' malə*
 Цибаево-DEF уже увидеть-RES дорога-DEF близкий
 'Цибаево уже **показалось** (букв. 'увидено') — дорога уже недалеко'.

Кроме этого, такое причастие образуется от предельных непереходных глаголов с единственным пациентивным аргументом (S_P); получается, соответственно, «субъектный результатив»:

- (34) *mon n'ingə urmas'kət-f-an, možət sa-j ned'al'ε-t' l'is'-an*
 я еще заболеть-RES-1SG может прийти-PTCP.ACT неделя-DEF.GEN выйти-1SG
 'Я еще **болею** (букв. 'заболевший'), может, на следующей неделе выйду'.

- (35) *t'ε šufc' kunarə n'i pra-f*
 это дерево:DEF давно уже упасть-RES
 'Это дерево давно уже **лежит упавшее**'.

Единственный агентивный аргумент (S_A) оно, наоборот, ни релятивизовать, ни сделать подлежащим результативной конструкции не может:

- (36) **mon vešk-f-an / az-f-an*
 я свистнуть-RES-1SG сказать-RES-1SG
 (Ожидаемое значение: 'Я **свистнувший / сказавший**'.)
 (37) **vešk-f / az-f loman'*
 свистнуть-RES сказать-RES человек
 (Ожидаемое значение: '**Свистнувший / сказавший** человек'.)

Есть, однако, одно исключение (впрочем, вполне ожидаемое): показатель результативного причастия может сочетаться с предельными глаголами движения — неважно, с дейктическим или абсолютным ориентиром:

- (38) *vas'ε sa-f / tu-f / suva-f / valk-f*
 Вася прийти-RES уйти-RES войти-RES спуститься-RES
 'Вася **пришел / ушел / вошел / спустился**'.

Аспектуальное ограничение результативная конструкция имеет одно — она должна обозначать результирующее состояние⁵. Поэтому *f*-овое причастие реагирует на то, есть ли у глагола акциональная интерпретация вхождения в состояние (ES), вне зависимости от его акционального класса: например, глагол *sotəms* 'привязывать, привязать' из примера (32) — слабый предельный (ES P, P) в терминологии [Татевосов 2010]⁶; *n'ejəms* 'увидеть, видеть' из примера (33) — слабый инцептивно-стативный (ES S, S).

Притом результирующее состояние не обязательно должно быть, например, наблюдаемым:

- (39) *l'εm-s' siv-f*
 суп-DEF съесть-RES
 'Суп **съеден**'.
 (40) *jarmak-n'ə sala-f-t*
 деньги:PL-DEF украсть-RES-PL
 'Деньги **украдены**'.

⁵ Этот термин понимается нами в широком смысле: например, в примере (33) причастие от глагола *n'ejəms* 'увидеть' обозначает отношение зрительного контакта между стимулом и невыраженными экспериментерами (участниками речевого акта).

⁶ Предложенная С. Г. Татевосовым форма записи типа ES P, P исчисляет возможные аспектуальные значения глагольной лексемы. S — это состояние, P — процесс, ES — вхождение в состояние, EP — вхождение в процесс. Исследуются, как правило, две диагностические формы — «наиболее перфективная» и «наиболее имперфективная» (чаще всего претерит/аорист и презенс), которым соответствуют множества значений до и после запятой.

Эти свойства результитивной конструкции, конечно, вполне ожидаемы. В терминах [Недялков, Яхонтов 1983] мокшанский обладает и объектным, и субъектным результиativом с общерезультитивным значением — это очень частая для языков мира ситуация. Однако конструкция может демонстрировать и типологически необычное поведение тогда, когда в ней начинают употребляться неопредельные предикаты.

Правда, таких в мокшанском языке крайне мало: как мы писали выше, большая часть мокшанских глагольных лексем не маркирована по виду, поэтому среди доступных акциональных интерпретаций чаще всего бывает предельная. Если, однако, предельных интерпретаций у глагола действительно нет (а условие пациентивности единственного участника выполняется), то причастие спорадически может иметь экспериентивные (41) и перфектно-«инклюзивные» — как, например, английские формы Present Perfect в сочетании со стативными предикатами — употребления (42):

- (41) *vital'ik-s' s'er'et'-f urma-sə*
Виталик-DEF болеть-RES болезнь-IN
i s'a-s me-s son' šama-c loftana
и to-EL что-EL он.OBL лицо-POSS.3SG бледный
'Виталик **болел** (букв. 'болел болезнью'), и поэтому у него лицо бледное {на всю жизнь}'.
- (42) *vec' vedərka-t' esə jot šobdava aščə-f*
вода:DEF ведро-DEF.GEN в.IN с утро находится-RES
'Вода в ведре с утра **стоит**'.

Оба глагола — *s'er'ed'əms* 'болеть' и *aščəms* 'находиться' — относятся к стативному акциональному классу (S, S).

Такое поведение результитивного причастия, в общем, не является совсем неожиданным. Но кроме этого, существует еще один класс употреблений результитивного причастия — в отличие от последнего, весьма обширный и продуктивный.

Образуюсь от глагольных основ, имеющих устойчивую неопредельную интерпретацию, причастие превращает неопредельные ситуации, которые обозначали эти основы, в предельные. На вход конструкции могут подаваться не только состояния типа *aščəms* 'находиться' или неопредельные процессы типа *t'ur'əms* 'драться', но и, например, безобъектные употребления слабых предельных глаголов типа *luvəms* 'читать' (activity construals в терминах [Croft 2012]).

Семантически это происходит таким образом: на одном из участников в процессе течения ситуации накапливается какое-нибудь свойство — и он приобретает существенно новое состояние. В нулевом контексте такие предложения чаще всего получают сатуративную интерпретацию:

- (43) *mon jaŋca-f-an*
я есть-RES-1SG
'Я **наелся**'.
- (44) *mon t'ε ši-stə topəd'-əm-s t'ur'-f-an*
я этот день-EL насытиться-INF-EL драться-RES-1SG
'Я за этот день так много **дрался**, что больше не хочу' (букв. 'досыта **надрался**').

Это, однако, совсем необязательно. «Накапливаться» на участнике может не только пре-
существенность процессом, но и любое другое контекстно заданное свойство:

- (45) *mon s'er'ed'-əm-s s'imə-n't'-f-an*
я болеть-INF-EL пить-IPFV-RES-1SG
'Я **пил** так сильно, что заболел' (букв. 'до болезни **допился**').
- (46) *vina-s' aščə-f*
водка-DEF находится-RES
'Самогон **выгнали**' (букв. 'водка настоялась').

- (47) *vec' šin'ija-m-s aščə-f*
 вода:DEF пахнуть-INF-EL находиться-RES

‘Вода **стояла** так долго, что стала пахнуть’ (букв. ‘**достоялась** до запаха’).

Обстоятельства срока типа *t'ε šistə* ‘за этот день’, допустимые в подобных контекстах, демонстрируют, что исходно неопредельная ситуация действительно приобретает «искусственный предел».

Мы считаем, что такая нетривиальная сочетаемость объясняется взаимодействием семантики результитивной конструкции и исходного глагола.

Прототипический, ядерный тип употреблений мокшанского результата представлен в примерах типа (32), (34), (35) — это предельные глаголы с пациентивным участником. Требования предельности и пациентивности конструкция и предъявляет к лексемам, которые должны заполнять ее слоты.

Вообще говоря, эти два признака не независимы: предельность ситуации чаще всего определяется как переход одного из ядерных участников в новое состояние, а одна из главных характеристик прототипического пациенса — то, что в ходе ситуации он изменяет какие-то свои свойства. В формальной традиции вообще принято говорить об инкрементальном свойстве как «источнике предельности» ситуации. Если этим свойством является *с у щ е с т в о в а н и е*, т. е. ситуация состоит в том, что один из ее участников появляется или исчезает, то этого участника называют инкрементальной темой (см. [Dowty 1991; Татевосов 2010], ср. сходное понятие «накопителя эффекта» в [Падучева 2004]).

Поэтому результитивная конструкция допускает глаголы движения, точнее, глаголы перемены места. Несмотря на то что прототипические ситуации движения (бег, хождение и др.) контролируемы, местоположение участника — это одно из его важных свойств, а изменение свойств обычно характеризует пациентивного участника. Известно, что, например, в немецком и итальянском глаголы движения допускают двоякий способ восприятия (construal) — как деятельность (activity) и как свершение (accomplishment). От этого, в частности, зависит выбор вспомогательного глагола в перфекте — ср. итал. *ha corso* ‘побежал’ (деятельность) vs. *è corso* ‘прибежал’ (свершение; заметим, что этот случай формально идентичен пассиву типа *è portato* ‘принесен’!). К похожему выводу приходит В. Абрахам, рассматривая немецкие глаголы движения [Abraham 2011]: он утверждает, что такие глаголы имеют неодинаковую синтаксическую структуру в разных временных формах — они являются «неаккузативными» в форме перфективного причастия и «неэргативными» в презенсе (в его употреблении эти термины примерно совпадают с тем, что обычно понимается под пациентивными и агентивными предикатами соответственно). В мокшанском такой double construal чаще всего невозможен — просто потому, что корень глагола кодирует обычно либо только путь, либо только способ движения (например, глагол *sams* значит и ‘прийти’, и ‘приехать’, и ‘прибежать’). В остальном, однако, ситуация очень похожая: именно предельные глаголы перемены места примыкают к пациентивным.

Если же в конструкции употребляются глаголы, обозначающие неопредельные ситуации, то под давлением семантики конструкции происходит реинтерпретация: у глагола появляется «искусственный предел», а один из участников реконцептуализуется как пациенс.

- (48) *mon kol'an't'-fan topəd'-əm-s*
 я играть-RES-1SG насытиться-INF-EL
 ‘Я **наигрался** досыта’.

Заметим, что инкрементальное свойство должно накапливаться именно на этом участнике (а не на каком-нибудь другом элементе семантической структуры высказывания):

- (49) **mon kol'an't'-fan šopəd'-əm-s*
 я играть-RES-1SG стемнеть-INF-EL
 ‘Я **заигрался** до темноты’.

Конечно, от этого контролируемой ситуация быть не перестает:

- (50) *mon jarca-f-an tosə af jarca-m-s*
я есть-RES-1SG потом NEG есть-INF-EL
'Я **наелся**, чтобы потом не есть'.

Можно считать, что предикат приписывает аргументу семантическую роль агенса, а конструкция — роль пациенса (т. е. аргумент получает «гибридную» семантическую роль, состоящую из признаков, входящих и в агентивный, и в пациентивный прототипы).

3.1.2. Аспектуальная семантика мокшанского результата и отрицание

Исследование сочетаемости результативной конструкции в мокшанском показало, что она совсем недалеко продвинулась по известному пути грамматикализации от результата к перфекту. Нет диатезного сдвига — по-мокшански можно сказать *Коза привязана*, ср. (32), но не что-то типа *Он привязавши козу*:

- (51) **Son sot-f kaza-t' /kaza*
он привязать-RES коза-DEF.GEN коза
(Ожидаемое значение: 'Он **привязал** козу'.)

Более того, как мы только что видели, конструкция по-прежнему остается ориентированной на пациенса (пускай и в довольно расширенном понимании) и на предельные глаголы (примеры типа (41) и (42) маргинальны).

Однако, какое в точности видовое значение может иметь эта конструкция, сразу неясно, и вот почему: набор обстоятельств, которыми она может быть модифицирована, довольно широк.

С одной стороны, это могут быть любые обстоятельства, ориентированные на результирующее состояние — специфицирующие его время или длительность, см. (32), а также (52), (53):

- (52) *panar-t' kopər'-əc jot is'ak s'ez'-f*
платье-DEF.GEN спина-POSS.3SG с вчера порвать-RES
'Спинка у платья со вчерашнего дня **порвана**'.
- (53) *kaftə čast-t ingəl'ə ken'kš-s' panža-də-l' a t'en'i s'olk-f*
два час-PL перед дверь-DEF открытый-CONV.POS-PQP а сейчас закрытый-RES
'Два часа назад дверь была открыта, а теперь **закрыта**'.

Некоторые результаты могут модифицироваться наречием *n'ingə* 'все еще' — для этого они должны обозначать о б р а т н ы й результат действия (ср. недопустимое русск. **все еще убит*):

- (54) *panar-s' n'ingə šča-f /s'ez'-f*
платье все.еще надеть-RES порвать-RES
'Платье все еще **надето/разорвано**'.

С другой стороны, независимо от лексического наполнения конструкция с *f*-овым причастием может сочетаться с обстоятельствами, ориентированными не на результат, а на динамическую ситуацию, например обстоятельствами конкретного времени (*is'ak* 'вчера'), срока (*minutastə* 'за минуту'), времени реакции (*kurək* 'скоро'), места действия (отличного от места результата), образа действия (*moraz'* 'напевая'):

- (55) *t'e šufc' is'ak pra-f*
это дерево-DEF вчера упасть-RES
'Это дерево вчера **упало** {и до сих пор лежит}'.
- (56) *loman'-c' kaja-f minuta-stə*
человек-DEF раздеться-RES минута-EL
'Человек **разделся** за минуту {и теперь голый}'.

- (57) *loman'-c' kurək kaja-f*
 человек-DEF скоро раздеться-RES
 'Этот человек быстро **разделся** {и теперь голый}'.

- (58) *sin' sa-f-t valmε-t' pačk*
 они прийти-RES-PL окно-DEF.GEN.SG через
 'Они **пришли** через окно {и теперь находятся внутри}'.

Уже эти факты позволяют заключить, что кроме результативного значения *y-f*-ового причастия есть и другое — перфектное.

Другим диагностическим тестом на то, что обозначает предикат — событие или его результат, традиционно считается возможность присоединения агентивного дополнения (утверждается, что, например, немецкий *Zustandspassiv* не допускает такового потому, что может обозначать исключительно результирующее состояние — т. е. быть одновалентным предикатом, участником которого агент не является, см., например, [Abraham, Leiss 2006]). В мокшанском с агентивным дополнением есть определенные проблемы, общие для причастной конструкции на *-f* и суффиксального пассива: как кажется, агентивное дополнение в исследованных нами идиомах только грамматикализуется. В разных случаях (существуют не до конца ясные ограничения) исходное подлежащее маркируется послелогами *kεctə* 'из рук', *vel'də* 'через' и комитативно-инструментальным *maɾtə* 'с.' Как бы то ни было, в большинстве случаев результативная конструкция все же позволяет выразить агенса:

- (59) *šava-n'-ε-s' laz-f Vas'-ε-n' kεctə*
 чашка-DIM-DEF разбить-RES Вася-GEN рука:EL
 'Чашка **разбита** Васей'.
- (60) *id'-n'-ε-s' st'a-ft-f es' d'ed'a-nc kεctə*
 ребенок-DIM-DEF встать-CAUS-RES свой мать-3SG.POSS.SG.GEN рука:EL
 'Ребенок **разбужен** собственной матерью {она могла греметь посудой на кухне}'.
- (61) *kniga-s' luv-f Vas'-ε-n' kεctə*
 книга-DEF читать-RES Вася-GEN рука:EL
 'Книга **прочитана** Васей'.

Следует, однако, учесть, что если такие обстоятельства или дополнения в предложении есть, то они обязательно находятся в позиции фокуса — см. следующие ограничения на варьиование линейно-акцентной структуры предложений (62) и (63). Как видно, в позиции топика (т. е. в начальной позиции предложения с восходящей интонацией) обстоятельства конкретного времени — лексемы типа *šobdava* 'утром' или *is'akəmbə* 'вчера' — невозможны⁷:

- (62) a. *kaza-s' sot-f šobdava *
 коза-DEF привязать-RES утро
 b. *šobdava \ kaza-s' sot-f*
 утро коза-DEF привязать-RES
 c. **šobdava / kazas' sot-f *
 утро коза-DEF привязать-RES
 'Коза **привязана** утром'.
- (63) a. *t'ε šufc' pra-f is'akəmbə *
 этот дерево:DEF упасть-RES вчера
 b. *t'ε šufc' is'akəmbə \ pra-f*
 этот дерево:DEF вчера упасть-RES
 c. **is'akəmbə / t'ε šufc' pra-f *
 вчера этот дерево:DEF упасть-RES
 'Вчера это дерево **упало**'.

⁷ Полужирным (как и во всей остальной работе) выделена форма результативного причастия, подчеркнут носитель основного фразового акцента, знаками / и \ маркируются восходящая и нисходящая интонация соответственно.

В этом случае представляется подходящим анализ, предложенный Е. В. Падучевой [Падучева 2010] для похожих явлений русского языка (высказываний типа *Книга куплена вчера*). Суть его состоит в следующем: с коммуникативной точки зрения топикальные и фокусные обстоятельства имеют разную функцию. Дело в том, что во фрейме результативного причастия есть и ситуация (относящаяся к плану прошедшего), и ее результат (совпадающий с моментом речи) — а рематическое обстоятельство *профилит* либо то, либо другое (Е. В. Падучева называет это явление «коммуникативным фокусом»; см. также [Ландер 2003]). Если же обстоятельство находится в топике, оно задает время ассерции — а закрытый интервал типа *вчера*, естественно, не может быть временем ассерции в перфектной клаузе.

О том, что в семантике мокшанского результатива есть два компонента, каждый из которых в принципе можно профилировать, свидетельствуют и другие данные — а именно то, как он ведет себя в сочетании с отрицанием.

В мордвинистике известно [Коляденков, Заводова 1962: 359], что для отрицания результативного причастия на *-f* используется частица *apak*, глагол после которой ставится в форму коннегатива на *-k/-t*⁸:

- (64) *jarmak-s' apak mu-k*
 деньги-DEF NEG.NFIN найти-CN
 'Деньги **не найдены**'.

Это специализированный способ для выражения отрицания на *f*-овом причастии (частица *apak* больше нигде не употребляется⁹). Кроме этого, для *f*-ового причастия возможно и обычное именное отрицание *af*:

- (65) *jarmak-s' af mu-f*
 деньги-DEF NEG найти-RES
 'Деньги **не найдены**'.

Замечательно, что при этом семантическая интерпретация предложений с *apak* и с *af* регулярно различается.

Во-первых, у инкрементальных ситуаций с отрицанием *apak* возникает замечательный семантический эффект. По свидетельствам носителей, в нулевом контексте (без обстоятельств времени и т. д.) нормальным переводом предложения (66) на русский язык будет являться не (i), а (ii).

- (66) *kaza-s' apak sot-t*
 коза-DEF NEG.NFIN привязать-CN
 (i. *'Коза не привязана'.)
 ii. 'Коза **еще не привязана**'.

Если в этом же предложении использовать отрицательную конструкцию не с *apak*, а с *af*, то будет доступна единственная интерпретация:

- (67) *kaza-s' af sot-f*
 коза-DEF NEG привязать-RES
 'Коза **не привязана** {а, например, бежит в огороде}'.

Очевидно, отрицательная конструкция с *apak* по крайней мере иногда добавляет в семантику высказывания дополнительный компонент нарушенного ожидания (которое

⁸ На самом деле носители разрешают (а иногда и порождают) конструкции вида *apak V-f*. Мы считаем, что это — результат контаминации, во-первых, с формой без отрицания, а во-вторых, с формой множественного числа, которая нормально выглядит как *apak V-f-t* (*-t* — показатель плюралиса) вследствие фонологического перехода $k \rightarrow f/_t$, нашедшего отражение в самых разных точках мокшанской морфонологической системы.

⁹ В материалах полевых исследований встречается несколько употреблений частицы *apak* с другой нефинитной глагольной формой — номинализацией на *-ta* (при которой обычно используется термовое отрицание *af*). Этот вопрос требует дальнейшего исследования.

передается носителями с помощью русского наречия *еще*), а в случае с *af* этого не происходит.

Во-вторых, предложения с оператором *apak* и инкрементальными предельными процессами имеют два прочтения — отрицанию может подвергаться как вся ситуация, так и только ее кульминация:

- (68) *kniga-s' apak luv-t*
 книга-DEF NEG.NFIN читать-CN
 а. 'Книга **еще не прочитана** {я и не начинал ее читать}'.
 б. 'Книга **недочитана** {начал читать, но не дошел до конца}'.

Частица *af* такими свойствами не обладает:

- (69) *kniga-s' af luv-f*
 книга-DEF NEG читать-RES
 а. 'Книга **не прочитана** {я и не начинал ее читать}'.
 * б. 'Книга **недочитана** {начал читать, но не дошел до конца}'.

В-третьих, в предложениях с такими нереферентными подлежащими, у которых нет пресуппозиции существования, тоже возможна только конструкция с *apak*:

- (70) *kodamə gr'iba mɛl'-əz'-əl' apak mu-k /*af mu-f*
 какой гриб нрав-POSS.1SG-PQP NEG.NFIN найти-CN NEG найти-RES
 'Такой гриб, который я хотел бы найти, еще **не найден**'.
- (71) *kodamə-vək s'ora n'ingə apak vidə-k /*af vid'-ə-f*
 какой-ADD зерно еще NEG.NFIN посадить-CN NEG посадить-RES
 'Никакое зерно здесь еще **не посажено**'.
- (72) *kodamə loman' s'ask-əl'-əz'-ə kaščej-t'*
 какой человек победить-PQP-PST.3SG.O.3SG.S K.-DEF.GEN
*n'in'gə apak šač-t /*af šač-f*
 еще NEG.NFIN родиться-CN NEG родиться-RES
 'Человек, который победил бы Кашея, еще **не родился**'.

В-четвертых, конструкции типа *af V-f* запрещены в контексте обстоятельства *məz'ardəngə* 'когда-либо; никогда': в таких случаях должна выбираться конструкция с *apak*:

- (73) *t'ε jarmak-n'ə al'ε-z'-ə-n' kεctə*
 эти деньги-PL.DEF отец-1SG.POSS.SG-GEN рука:EL
*məz'ardə-ngə apak kiz'əfn'-ə-f-t /*af kiz'əfn'-ə-f-t*
 когда-ADD NEG.NFIN спрашивать-CN-PL NEG спрашивать-RES-PL
 'Этих денег у отца еще никогда **не просили**' (букв. 'деньги никогда **не спрошены**').
- (74) *min' kucə-nk t'ε mora-s'*
 наш дом:IN-1PL.POSS этот песня-DEF
*məz'ardə-ngə apak mora-k /*af mora-f*
 когда-ADD NEG.NFIN петь-CN NEG петь-RES
 'У нас дома эта песня никогда еще **не пелась**'.

Интересно, что, демонстрируя подобное поведение в отношении наречия *məz'ardəngə*, причастия с отрицательной частицей *af* примыкают к именным предикатам (75), а причастия с *apak* ведут себя так же, как и финитные глагольные (76):

- (75) *min' kucə-nk batar'ej-n'ə məz'ardə-ngə af ps'ij'-t'*
 мы.OBL дом:IN-1PL.POSS батарея-PL.DEF когда-ADD NEG горячий-PL
 (Ожидаемое значение: 'В нашем доме батареи никогда **не теплые**'.)
- (76) *ok min' kucə-nk batar'ej-n'ə məz'ardə-ngə af ul'-ə-n'-d'-ij'-t' ps'ij'-t'*
 мы.OBL дом:IN-1PL.POSS батарея-PL.DEF когда-ADD NEG быть-IPFV-NPST.3-PL горячий-PL
 'В нашем доме батареи никогда **не бывают теплыми**'.

Заметим, что в предложениях типа (73)—(74) причастие регулярно имеет экспериентное значение ('факт того, что когда-то раньше было Р, отсутствует'), невозможное (или почти невозможное) для утвердительных предложений.

Естественно выдвинуть гипотезу о том, что предложения с *apak* и с *af* соответствуют разным синтаксическим структурам.

Обычно именные группы, у которых нет пресуппозиции существования, находятся в сфере действия какого-нибудь оператора снятой утвердительности. Таким оператором в предложениях типа (70)—(72) несомненно является отрицание; следовательно, отрицание типа *apak* может иметь сферу действия над подлежащим. То же самое верно для обстоятельств сентенциального уровня типа *maz'ardangə* (что, вообще говоря, представляет собой обычное свойство неопределенных местоимений). Конструкция с *af*, однако, показывает противоположные свойства — она не допускает чувствительных к полярности единиц ни в позиции подлежащего, ни в позиции сентенциального обстоятельства.

Далее, мы видим, что в обычной клаузе с именным предикатом наречие *maz'ardangə* невозможно (75) — и то же самое верно для предложений с предикативным причастием и отрицанием *af* (73)—(74). С другой стороны, предложения с *apak* его допускают — точно так же, как клаузы, возглавляемые глаголом (76). Это заставляет вспомнить о том, что, как было показано на материале разных языков, предложения с именным предикатом часто оказываются грамматически дефектными: они отличаются по набору синтаксических свойств от предложений с финитными глаголами. Например, в [Тестелец 2008] обсуждаются предложения типа *Никто не был в Москве* vs. **Никто был не в Москве*; неграмматичность второго из них объясняется тем, что в случаях типа *Маша не в Москве* отрицание является конституентным, а не сентенциальным — отрицается отдельная составляющая, а не все предложение.

Можно предположить, что эта разница в сочетаемости с *maz'ardangə* происходит оттого, что предложения с *apak* содержат больший фрагмент структуры глагольной клаузы, чем предложения с *af*, — в том числе и ту позицию, которую может занимать *maz'ardangə*. Так как исследование синтаксиса мокшанского отрицания не является нашей непосредственной задачей, то мы не будем выяснять, что это за уровни структуры в точности, скажем (в значительной мере условно), что в предложениях с *af* оператор результата применяется к глагольной группе, а в предложениях с *apak* — к структуре большего объема, например к клаузе:

(77) *apak* : NEG > RES > clause

(78) *af* : NEG > RES > VP

В предложениях с *af* оператор результата применяется прямо к ситуации, которую обозначает глагольная группа, и выводит на поверхность ее конкретный, лексикографически заданный результат. К получившемуся результативному причастию в обычном порядке применяется термовое отрицание, в сфере действия которого находится не все предложение, а только именной предикат — и поэтому в позиции подлежащего невозможны нерелевантные именные группы.

В предложениях с *apak* оператор применяется не к глагольной группе, которая обозначает событие, а к некоей структуре большего объема. Что же может обозначать такая структура?

Наша гипотеза состоит в том, что если обычная глагольная группа, в сочетании с которой показатель *-f/-t* имеет обычное результативное значение, обозначает событие, то «бóльшая» структура может обозначать факт. В отечественной традиции противопоставление события и факта разрабатывалось в работах Н. Д. Арутюновой, Е. В. Падучевой, Анны А. Зализняка [Арутюнова 1988; Падучева 1996; Зализняк 1990]; во многом отечественная трактовка факта является рецепцией соответствующего логико-семантического понятия, о котором см., например, [Asher 1993; Peterson 1997]. Вкратце суть этого противопоставления состоит в следующем: любая ситуация в естественном языке может концептуализоваться двумя способами. Во-первых, она может восприниматься как объект физической

реальности, непосредственно наблюдаемый и ощущаемый, — тогда у ситуации есть разнообразные физические характеристики: протяженность во времени, или скорость, или какие-нибудь обстоятельства, которые ее сопровождают. Во-вторых, она может быть артефактом сознания и иметь не физические, а логические свойства: например, из нее может что-то следовать, а на нее что-то указывать. Первый способ концептуализации принято называть событием, второй — фактом¹⁰.

К этому-то факту в предложениях с *apak* и применяется тот самый оператор, который мы ранее видели в результативных клаузах.

Можно считать, что в мокшанском языке этот оператор имеет не два отдельных значения (результативное и перфектное), а одно; итоговая семантика конструкции зависит от того, к чему он применяется. Если он модифицирует (предельное) событие, результат которого заранее четко задан в его словарном толковании, то на выходе мы и получаем этот результат — такой же физически конкретный, как само событие; значение причастия получается р е з у л ь т а т и в н ы м. Факты же, как утверждается, могут вызывать огромное количество совершенно непредсказуемых последствий; конечно, именно факты, а не события, обычно имеют «текущую релевантность» [Dahl, Hedin 2000]. Факты не описаны в словаре — и поэтому их результаты не могут быть лексикографически заданы. Если слот результативной конструкции заполняет факт, то происходит семантический сдвиг: вместо конкретного результата она обозначает размытую прагматическую релевантность ситуации в прошлом; значение конструкции получается п е р ф е к т н ы м.

Если отвлечься от метафоры иерархически упорядоченных операторов, то можно заключить следующее: клаузы с *af* проявляют больше стативных свойств, а клаузы с *apak* — больше динамических. Первые обозначают отсутствие состояния, а вторые — релевантное для момента речи отсутствие в прошлом динамической ситуации. Именно это объясняет появление наречия *еще* с семантикой «нарушенного ожидания» в русских переводах предложений типа (79):

- (79) = (67) *kaza-s' apak sot-t*
 коза-DEF NEG.NFIN привязать-CN
 (i. ??‘Коза не привязана’.)
 ii. ‘Коза еще не привязана’.

Известно, что любая «отрицательная ситуация» предполагает ожидание соответствующей положительной. В примере (79), грубо говоря, используя конструкцию с *apak*, говорящий показывает, что он ожидал не просто того, что коза будет на веревке, а конкретного события привязывания козы.

Этим же объясняется двоякое прочтение примеров с *apak* и инкрементальными предикатами типа (68): одно и то же предложение может значить что-то типа ‘Книга вовсе не прочитана’ и ‘Книга недочитана’. Отрицание ведет себя так же, как если бы оно применялось к обычной финитной форме, которая обозначает динамическую ситуацию, — а перфектный оператор добавляет в семантику высказывания прагматическую релевантность этой ситуации. *Af* же применяется к стативному предикату, с которым такое двоякое прочтение невозможно.

Итак, результативная конструкция в мокшанском на самом деле не многозначна. Обозначает ли итоговое выражение результатив или перфект, зависит от того, что конструкция получает на вход — событие или факт. Если ее слот заполняет событие, то она просто

¹⁰ Отметим, что изначально противопоставление события и факта было разработано для объяснения различного синтаксического и семантического поведения актантных клауз (*Я видел, что он вошел* vs. *Я видел, как он вошел*). Разница в поведении последних также часто объясняется тем, что они содержат синтаксические структуры разного объема. Перенос этого противопоставления на независимые высказывания был впервые осуществлен Е. В. Падучевой [Падучева 1996: 61], которая приписывает значение ф а к т а общефактическому значению русского несовершенного вида.

выводит на поверхность уже присутствующее в его семантике результирующее состояние, а для фактов она специально «доставляет» некие предельно абстрактные последствия, имеющие место на момент речи. Это противопоставление особенно четко проступает в предложениях с отрицанием, но в положительных предложениях доступен такой же набор интерпретаций — как хочется думать, объясняющийся теми же факторами.

3.2. Имперсональная конструкция

В имперсональной конструкции причастие ведет себя совсем иначе, нежели в результивной, как с точки зрения морфосинтаксиса, так и с точки зрения семантики. Подлежащего в именительном падеже в такой конструкции нет; соответственно, согласовательных маркеров причастие не принимает (материально такие формы совпадают с формами 3sg, у которых нулевой маркер согласования).

- (80) = (28) *is'akambə klub-sə kiš-n'a-f*
 вчера клуб-IN плясать-IPFV-RES

‘Вчера в клубе **плясали**’ (букв. ‘**плясано**’).

- (81) *t'ε alaša-t' lank-sə an'c'ək art-f t'a-t oza langə-zə-nzə*
 этот лошадь-DEF.GEN верх-IN только ездить-RES PROH-IMP сесть верх-ILL-3SG.POSS

‘На этой лошади только что **ездили** (букв. ‘**езжено**’), не садись на нее’.

Субъект действия в предложениях типа (80) может интерпретироваться разными способами. Во-первых, это может быть какой-нибудь высокоактуализованный референт, например участник речевого акта, и тогда более корректным переводом такого предложения окажется *Мы вчера в клубе плясали* или *Вы вчера в клубе плясали*. В контексте предложения *У нас в селе много молодежи* оно будет проинтерпретировано как *Вчера в клубе плясала молодежь* — и так далее¹¹. В то же время субъект действия может быть просто связан квантором существования:

- (82) *t'εči min' vas'əd'-əmə i n'ej-əs'k*
 сегодня мы встретиться-PST.1SG и видеть-PST.3.O.1PL.S

što t'ε vast-t' esə t'ur'-f
 что этот место-DEF.GEN в.IN драться-RES

‘Сегодня мы встретились и увидели, что на этом месте кто-то **дрался**’.

Невыраженный субъект, однако, не удаляется из структуры клаузы совсем — например, он может контролировать целевые обороты:

- (83) *kuvat' t'ur'-f fašist-t-n'a-n' martə štobə satə-m-s c'eber' er'af*
 долго драться-RES фашист-PL-DEF-GEN с чтобы достичь-INF-ILL хороший жизнь

‘Мы долго **боролись** (букв. ‘долго было **борого**’) с фашистами, чтобы получить хорошую жизнь’.

Имперсональная конструкция, так же как и результивная, накладывает ограничения на лексемы, которые могут в ней употребляться.

Ограничения на образование имперсональных пассивов засвидетельствованы во многих языках мира. Утверждалось, что имперсонализации могут подвергаться только «неэргативные» предикаты [Perlmutter 1978; Zaenen 1993]; непредельные предикаты [Goldberg 1995;

¹¹ Чаще всего (если к этому нет каких-либо прагматических препятствий) первой интерпретацией субъекта имперсональной клаузы в нулевом контексте становится первое лицо — ‘я’, ‘мы’. Это однозначно показывает на то, что перед нами не обычное предложение с опущенным подлежащим: подлежащее первого лица вызывало бы на причастии лично-числовой показатель. Далее мы в основном будем оставлять в русских переводах предложений этого типа местоимения первого лица; конечно, в каждом из них имперсональный субъект может быть проинтерпретирован и любым другим способом.

Abraham, Leiss 2006; Primus 2010]. М. Сибатани [Shibatani 1998] показал, что понижение в имперсональной конструкции может происходить только с несколькими верхними позициями в иерархии одушевленности, причем языки проводят границу в разных местах иерархии: так, в непали невыраженным субъектом действия может быть только говорящий, в немецком — одушевленный агент (не обязательно человек), в нидерландском — агент, обязательно являющийся еще и человеком. Ситуация в мокшанском в этом отношении похожа на ту, что описывается М. Сибатани для турецкого: единственный участник имперсонализованного предиката обязательно интерпретируется как человек (84)—(86), притом предикат не обязательно должен быть контролируемым (87)—(88):

- (84) *is'ak min' kucə-nk ivat'-f*
вчера мы дом:IN-1PL.POSS кричать-RES
'Вчера у нас дома **кричали**'.
- (85) **ul'c'a-sə par-s'ə-f*
улица-IN блять-IPFV-RES
(Ожидаемое значение: 'На улице **блеяли** (козы)').
- (86) *urmas'kəc' kərgə-z'ə me-s ul'c'a-sə lamə-s par-s'ə-f*
заболеть.PST.3SG горло-POSS.1SG что-ILL улица-IN много-ILL блять-IPFV-RES
'У меня горло заболело, потому что я долго **орала** на улице' (букв. 'долго **блеяно**').
- (87) *šobdava pek af-ks-n'ə-f*
утром очень зевать-SMLF-IPFV-RES
'Утром я много **зевал**' (букв. 'много **зевано**').
- (88) *s'ε komnata-sə tərnat-f, a t'a-sə l'embə*
этот комната-IN дрожать-RES а этот-IN теплый
'В той комнате все **дрожали**, а в этой тепло'.

Кроме этого, есть и еще одно ограничение на лексическое заполнение этой конструкции, и замечательно, что оно почти диаметрально противоположно тому, что демонстрирует результативная конструкция. В нормальном случае имперсонализацию не допускают предельные предикаты — не только пациентивные (89)—(90), но и агентивные (91):

- (89) **s'in' vel'ə-sə-st kər'vez'-f*
они.OBL село-IN-1PL.POSS загореться-RES
(Ожидаемое значение: 'У них в деревне что-то **загорелось**'.)
- (90) **s'in' kucə-st urmas'kət-f*
они.OBL дом:IN-1PL.POSS заболеть-RES
(Ожидаемое значение: 'У них дома кто-то **заболел**'.)
- (91) **ul'c'a-sə t'er't'-f*
улица-IN позвать-RES
(Ожидаемое значение: 'На улице кто-то **крикнул**'.)

Заметим, что такие же ограничения обнаруживают имперсональные конструкции по крайней мере в немецком и нидерландском языках [Abraham, Leiss 2006; Primus 2010]. Имперсонализации подвергаются только неопределенные предикаты; предельным же предикатам навязывается итеративная, т. е. также неопределенная, интерпретация (ср. (94) и (95))¹².

НЕМЕЦКИЙ [Abraham, Leiss 2006]

- (92) *Es wurde getanzt.*
it was danced
'Кто-то танцевал'.

¹² В мокшанском реинтерпретация подобного рода невозможна, так как в хабитуальных контекстах и в контекстах неопределенно-кратной итерации был бы обязателен показатель имперфектива.

- (93) *ʔEs wurde ausgetanzt*
it was out-danced
'Кто-то удалился, танцую'.
- НИДЕРЛАНДСКИЙ [Primus 2010]
- (94) **Er werd opgestegen*
it was taken.off
(Ожидаемое значение: 'Кто-то взлетел'.)
- (95) *Vanaf Schiphol wordt er de hele dag opgestegen*
from airport is it DEM whole day taken.off
'Из аэропорта целый день отправляются самолеты' (букв. 'кто-то взлетает').

В мокшанском, впрочем, от предельных предикатов имперсонализация запрещена не полностью, на них просто накладывается дополнительное — и очень неожиданное — условие: они должны быть в теме высказывания. Так, например, невозможно (96), но приемлемо (97):

- (96) **maša-nd'i sa-f*
M.-DAT прийти-RES
'К Маше **пришли**'.
- (97) *sa-f an'c'ək maša-n'd'i *
прийти-RES только M.-DAT
'**Пришли** только к Маше'.

Следующие три примера также приемлемы — в отличие от (89)—(91); разница между ними заключается только в линейно-акцентной структуре:

- (98) *kār'vez'-f s'in' vel'ə-sə-st *
загореться-RES они.OBL село-IN-1PL.POSS
'(— Смотри, что-то горит за полем! —) Я думаю, что загорелось в их деревне'.
- (99) *mon dumand-an, što urmas'kət-f aftobuz-sə *
я думать-1SG что заболеть-RES автобус-IN
'(— Где ты простудился? —) Я думаю, что **заболел** в автобусе'.
- (100) *tert'-f ul'c'a-stə *
позвать-RES улица-EL
'Тебя (меня, нас и т. д.) **позвали** (букв. 'крикнули') с улицы'.

Итак, непредельные предикаты могут употребляться в имперсональной конструкции всегда, а предельные — только в том случае, когда *f*-овое причастие является темой высказывания, что довольно нетривиально типологически: авторы последнего крупного сравнительного исследования, посвященного имперсонализации [Malchukov, Siewierska 2011], указывают в числе ее потенциальных триггеров топикальность референта, но не ситуации.

Однако такая сочетаемость имперсональной конструкции довольно легко объясняется диахронически. Действительно, по крайней мере на материале циркумбалтийских языков И. Сержантом [Seržant 2011] было показано, что имперсональные употребления результативного причастия исторически вторичны: они возникают при расширении сочетаемости исходно пассивной конструкции — в нашем случае конструкции объектного результата. Это, кстати, происходит не во всех мокшанских идиомах: например, старопшеневский говор (южный диалект мокшанского языка; материал из наших собственных полевых данных) так и не развил имперсональное употребление *f*-ового причастия:

- СТАРОПШЕНЕВСКИЙ МОКШАНСКИЙ
- (101) *is'akəmbə klub-sə *kšti-f / ok'kšti-č-t'*
вчера клуб-IN плясать-RES плясать-PST.3-PL
'Вчера в клубе **плясали**'.

Как мы видели, в мокшанском результирующая конструкция ориентирована на предельные предикаты, как переходные (типа ‘уронить’), так и непереходные (типа ‘упасть’). Далее причастие расширяет сочетаемость на единственный оставшийся крупный класс динамических предикатов — непереходные неопредельные (80)—(83). Заметим, что (по крайней мере для мокшанского) эти два признака не независимы: вместе они характеризуют ядро обширного акционального класса действий (activities). Связь между ними не абсолютная, а статистическая: среди неопредельных глаголов есть, естественно, и переходные, но их намного меньше (в основном те, что относятся к закрытому классу экспериенциальных предикатов), основная масса переходных глаголов обычно могут иметь предельную интерпретацию.

Мы полагаем, что имперсонал от предельных глаголов представляет собой дальнейшую, третью стадию морфосинтаксической эволюции причастия. Если верно, что такой тип употребления конструкции возник совсем недавно, то ясно, почему его использование пока что возможно только в ограниченном числе контекстов.

Обычно предикат требует поверхностного выражения своих ядерных актанта. Поэтому любая залоговая трансформация, позволяющая не выражать их, предполагает в каком-то смысле экстраординарные условия — например, необычную информационную структуру или необычное распределение коммуникативных рангов участников. Чем выше степень грамматикализованности залоговой конструкции, тем меньше усилий требуется, чтобы понизить в коммуникативном ранге, например, агенса, и наоборот, чем моложе паттерн, тем более особенные условия для этого необходимы.

Заметим, что для предельных предикатов типа *kərvez'əms* ‘загореться’ доступна еще и результирующая конструкция с *f*-овым причастием, которая удовлетворяет требованию поверхностного выражения участника — она помещает его в позицию подлежащего. Поэтому для того, чтобы его все-таки не выразить, нужны нетривиальные коммуникативные причины.

Как мы упоминали выше, в некоторых языках для того, чтобы говорить о ситуации, не называя ее ядерных участников, необходимо, чтобы они были топикальными; в мокшанском для этого нужно, чтобы не только ядерные участники, но и сама ситуация была в топике, т. е. актуализована. В фокусе высказывания тогда находится обычно какой-нибудь другой, неядерный участник ситуации (97) или вообще сирконстант (99)—(100). Таким образом, для предельных глаголов имперсональная конструкция — это редуцированный способ кодирования актуализованных и поэтому коммуникативно «неинтересных» событий.

Имперсонал от предельных предикатов требует такой изысканной информационной структуры именно потому, что он находится на ранней стадии развития; как известно, регулярность модели является показателем того, насколько она грамматикализована. Вообще довольно часто бывает так, что на раннем этапе грамматикализации конструкция демонстрирует какие-то специфические ограничения, от которых в дальнейшем избавляется, расширяя сочетаемость (о «генерализации» как составной части грамматикализационного процесса см., например, [Fleischman 1982]).

Разница между неопредельными и предельными предикатами в имперсональной конструкции проявляется и еще в одной детали: только при неопредельных предикатах можно выразить прямое дополнение. Вообще прямое дополнение в имперсональных клаузах следует общему паттерну (см. раздел 2.2): для неопределенной именной группы это немаркированная форма, для определенной — либо определенный генитив, либо послеложная группа с послелогом *esə* (соответственно, при предельных и неопредельных предикатах).

Есть, однако, одна особенность. Следующие примеры показывают, что в имперсональной конструкции из трех потенциально возможных способов второй, т. е. определенный генитив, запрещен, см. (102)—(103).

- (102) [t'ε mastər-t' esə]_{PP} məz'arə n'i šta-f
 ЭТОТ ПОЛ-DEF.GEN В.1N сколько уже МЫТЬ-RES

‘Этот пол мы сколько уже **мыли**!’

- (103) *t'ε mastər-t' optəm šta-f
 этот пол-DEF.GEN полностью мыть-RES
 (Ожидаемое значение: 'Этот пол мы полностью **вымыли**'.)

Как показывает сочетаемость с обстоятельствами в (104)–(106), во всех случаях предикат интерпретируется неопределенно.

- (104) kaftə čast-t' šta-f mastər
 два час-PL мыть-RES пол
 'Мы два часа **мыли** пол'¹³.

- (105) *kaftə častə šta-f mastər
 два час:EL мыть-RES пол
 (Ожидаемое значение: 'Мы за два часа **вымыли** пол'.)

- (106) is'ak min' kectə-nək t'ε vər'gaz-t' esə uč-f
 вчера мы.OBL рука:EL-1PL.POSS этот волк-DEF.GEN в:IN ждать-RES
 'Вчера мы **ждали** этого волка' (букв. 'Вчера нашими руками этого волка **ждано**').

Определенный генитив в имперсональной конструкции невозможен ровно потому, что он должен имплицировать несовместимое с ней предельное прочтение предиката:

- (107) *t'ε sorma-t' marn'ək s'ormat-f
 этот письмо-DEF.GEN целиком писать-RES
 'Это письмо целиком **написано**'.

- (108) *t'εž očk-t' n'i pil'enda-f
 этот бревно-DEF.GEN уже пилить-RES
 'Это бревно уже **распилено**'.

В заключение отметим, что от исходного результативного значения в имперсональной конструкции не остается и следа — аспектуальную семантику имперсональных клауз можно в лучшем случае охарактеризовать как слабо перфектную. Имперсонализации (при соблюдении описанных выше ограничений на информационную структуру высказывания) могут подвергаться, например, глаголы *čatərdəms* 'скрипнуть' и *veškəms* 'свистнуть', невозможные в пассивном результате. Неопределенные предикаты, естественно, могут сочетаться с обстоятельствами типа *pel'ə častt* 'полчаса', которые описывают длительность самой ситуации, а не каких-то ее последствий. В топике такой клаузы может стоять обстоятельство закрытого временного интервала (см. хотя бы наречие *is'akəmbə* 'вчера' в (80)).

Более того, хотя к имперсональным причастиям может присоединяться копула прошедшего времени, она не вносит какого-либо существенного семантического вклада:

- (109) is'akəmbə klub-sə kiš-n'ə-f / ^{ok}kiš-n'ə-f-əl'
 вчера клуб-IN плясать-IPFV-RES плясать-IPFV-RES-PQP
 'Вчера в клубе **плясали**'.

- (110) ingəl'ə t'ε-n' kolga-nzə koŋta-f / ^{ok}koŋta-f-əl' a t'en'i juksta-s'k
 раньше этот-GEN о-POSS.3SG говорить-RES говорить-RES-PQP а сейчас забыть-PST.3o.1PL.S.
 'Мы об этом раньше **говорили**, а теперь забыли'.

Однако ретроспективная точка отсчета, свойственная перфекту, в таких конструкциях все же сохраняется. При имперсонале на -f невозможны точечные обстоятельства времени, а значит, невозможна и актуально-длительная интерпретация:

¹³ В этом случае немаркированная форма кодирует именно прямое дополнение, а не подлежащее — это подтверждает запрет на определенный номинатив в этой же позиции:

*kaftə častə šta-f mastər-s'
 два час:EL мыть-RES пол-DEF
 (Ожидаемое значение: 'За два часа **вымыт** пол'.)

- (111) **məz'ardə* *mon* *suva-n'* *kud-u,* *t'a-sə* *kiš-n'ə-f*
 когда я войти-PST.3SG дом-ILL тот-IN плясать-IPFV-RES
 (Ожидаемое значение: 'Когда я вошел в клуб, там **плясали**'.)

Тонкости видовой семантики мокшанского имперсонала, несомненно, требуют дальнейшего изучения.

4. Заключение

Мы видим, что в двух разных конструкциях — результативной и имперсональной — грамматические свойства мокшанского результативного причастия в значительной мере различаются. Каждая из них имеет свое грамматическое значение и свои ограничения на заполнение слотов (результативная конструкция требует, чтобы заполняющие ее глаголы были предельными, а имперсональная — чтобы они были непредельными с одушевленным субъектом).

Мы полагаем, что эти ограничения можно объяснить диахронически.

Исходная точка развития — это пассивный результатив, довольно жестко ориентированный на предельные предикаты и на пациенса. Пассивный результатив — стабильный кластер, который воспроизводится в большом количестве языков, и аналогичные функции имеют образования с когнатными мокшанскому суффиксу *f*-ового причастия показателями: *-vt-* в эрзянском [Коляденков, Заводова 1962: 323], *-ttu-* в финском [Karlsson 1999: 198—200] и соответствующими суффиксами в других прибалтийско-финских языках.

Как мы предполагаем, развитие конструкции идет по пути расширения ее сочетаемости. Такое расширение в мокшанском происходит двумя способами.

Во-первых, если лексическая единица, которая должна заполнить слот конструкции, не удовлетворяет каким-либо ограничениям, то конструкция может «навязать» ей нужные грамматические признаки. Так происходит с непредельными предикатами в пассивном результате: употребляясь в таких конструкциях, они могут получать «искусственный предел» — например, от глагола 'копать' образуется форма причастия со значением 'накопавшийся досыта'.

Во-вторых, могут расшатываться сами сочетаемостные свойства конструкции — ограничения на заполнение ее слотов. Это (как и во многих других языках) происходит с конструкцией объектного результатива, которая распространяется на класс непредельных непереходных предикатов. Так как у таких предикатов нет прямого дополнения, при пассивизации не оказывается участника, которого нужно повысить в позицию подлежащего — и в результате в новой конструкции вообще отсутствует подлежащее. При этом исходное подлежащее, так же как в конструкции объектного результатива, попадает на периферию. Следующим шагом на пути диахронического развития в полном соответствии с аналогичными процессами, зафиксированными для циркумбалтийских имперсоналов, становится возможность выражения неповышенного прямого дополнения.

Предельные предикаты употребляются в имперсональной конструкции с существенными ограничениями: во-первых, они не допускают присутствия в клаузе прямого дополнения, во-вторых, причастие от такого глагола обязательно находится в топике высказывания. Это тоже может объясняться диахроническими причинами: так как это самый новый из способов употребления *f*-ового причастия, он проявляет наибольшее количество сочетаемостных ограничений.

Рассмотренные конструкции, конечно, различаются и с точки зрения аспектуальной семантики. «Пассивные» результативы могут иметь две аспектуальные интерпретации: результативную и перфектную; для каждого из этих значений в мокшанском есть отдельный способ отрицания. Сферы действия «перфектного» и «результативного» отрицаний различаются, что позволяет предположить, что такие клаузы имеют еще и разную синтаксическую структуру. Имперсональная конструкция обозначает непредельную ситуацию, но не допускает актуально-длительной интерпретации.

Итак, в мокшанском, как и в уже описанных языках Восточной Европы, результативное причастие может демонстрировать существенно различное поведение в зависимости от синтаксической конструкции, в которой оно употребляется, и глагола, с которым оно сочетается. Это многообразие, конечно, требует дополнительного теоретического осмысления.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1, 2, 3 — лица, AVL — аблатив, ADD — аддитивная фокусная частица, AUX — вспомогательный глагол, CAUS — каузатив, CN — коннегатив, CONV.POS — позиционный конверб, CN — коннегатив, DAT — датив, DIM — диминутив, DEF — определенность, EL — элатив, F — женский род, GEN — генитив, ILL — иллатив, IMP — императив, IN — инессив, INF — инфинитив, IPFV — имперфектив, NEG — отрицание, NEG.NFIN — нефинитное отрицание, NOM — номинатив, NPST — непрошедшее время, O — объектный согласовательный показатель, OBL — косвенная основа, PASS — пассив, PL — множественное число, POSS — посессивный показатель, PQP — плюсквамперфект, PROL — пролатив, PRON — прохибитив, PRS — настоящее время, PST — прошедшее время, PTCP — причастие, PTCP.ACT — действительное причастие, RES — результатив, S — субъектный согласовательный показатель, SG — единственное число, SMLF — семейфактив, TRANSL — транслатив.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Арутюнова 1988 — Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. [Arutyunova N. D. *Tipy yazykovykh znachenii: Otsenka. Sobytiye. Fakt* [Types of linguistic meaning. Assessment, event, fact]. Moscow: Nauka, 1988.]
- Бубрих 1953 — Бубрих Д. В. Историческая грамматика эрзянского языка. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1953. [Bubrikh D. V. *Istoricheskaya grammatika erzyanskogo yazyka* [A historical grammar of the Erzya language]. Saransk: Mordovskoe Knizhnoe Izdatel'stvo, 1953.]
- Зализняк 1990 — Зализняк Анна А. О понятии «факт» в лингвистической семантике // Арутюнова Н. Д. (ред). Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста. М.: Наука, 1990. С. 21—33. [Zalizniak Anna A. On the concept of fact in linguistic semantics. *Logicheskii analiz yazyka. Protivorechivost' i anomal'nost' teksta*. Arutyunova N. D. (ed). Moscow: Nauka, 1990. Pp. 21—33.]
- Князев 2007 — Князев Ю. П. Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе. М.: Языки славянских культур, 2007. [Knyazev Yu. P. *Grammaticheskaya semantika: Russkii yazyk v tipologicheskoi perspektive* [Grammatical semantics. Russian from the typological perspective]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2007.]
- Коляденков, Заводова 1962 — Коляденков М. Н., Заводова Р. А. (ред). Грамматика мордовских (мокшанского и эрзянского) языков. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1962. [Kolyadenkov M. N., Zavadova R. A. (eds). *Grammatika mordovskikh (mokshanskogo i erzyanskogo) yazykov* [A grammar of the Mordvin languages (Moksha and Erzya)]. Saransk: Mordovskoe Knizhnoe Izdatel'stvo, 1962.]
- Ландер 2003 — Ландер Ю. А. Перфект и обстоятельства конкретного времени // Плунгян В. А., Урманчиева А. Ю. (сост.). Языки мира. Типология. Уралистика. Памяти Т. Ждановой. Статьи и воспоминания. М.: Индрик, 2003. С. 300—312. [Lander Yu. A. Perfect and adverbial modifiers of specific time. *Yazyki mira. Tipologiya. Uralistika. Pamyati T. Zhdanovoi. Stat'i i vospominaniya*. Plungian V. A., Urmanchieva A. Yu. (comp.). Moscow: Indrik, 2003. Pp. 300—312.]
- Недялков, Яхонтов 1983 — Недялков В. П., Яхонтов С. Е. Типология результативных конструкций // Недялков В. П. (отв. ред.). Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект). Л.: Наука, 1983. С. 5—41. [Nedyalkov V. P., Yakhontov S. E. Typology of resultative structures. *Tipologiya rezul'tativnykh konstruktssii (rezul'tativ, stativ, passiv, perfekt)*. Nedyalkov V. P. (ed.). Leningrad: Nauka, 1983. Pp. 5—41.]
- Падучева 1996 — Падучева Е. В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива). М.: Языки русской культуры, 1996. [Paducheva E. V. *Semanticheskie issledovaniya (Semantika vremeni i vida v russkom yazyke. Semantika narrativy)* [Semantic studies. Semantics of tense and aspect in Russian. Semantics of narrative]. Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 1996.]
- Падучева 2004 — Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянских культур, 2004. [Paducheva E. V. *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* [Dynamic models in the semantics of lexis]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2004.]

- Падучева 2010 — Падучева Е. В. Событийное и статальное значение глаголов совершенного вида в русском языке // Выдрин В. Ф. и др. (ред.) Проблемы грамматики и типологии. Сборник статей памяти В. П. Недялкова. М.: Знак, 2010. С. 240—252. [Paducheva E. V. Perfective verbs in Russian: The meaning of state and event. *Problemy grammatiki i tipologii. Sbornik statei pamyati V. P. Nedyalkova*. Vydrin V. F. et al. (eds). Moscow: Znak, 2010. Pp. 240—252.]
- Сердобольская, Толдова 2012 — Сердобольская Н. В., Толдова С. Ю. Дифференцированное маркирование прямого дополнения в финно-угорских языках // Кузнецова А. И. (гл. ред.). Финно-угорские языки: фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 59—141. [Serdobol'skaya N. V., Toldova S. Yu. Differential direct object marking in the Finno-Ugrian languages. *Finno-ugorskie yazyki: fragmenty grammaticheskogo opisaniya. Formal'nyi i funktsional'nyi podkhody*. Kuznetsova A. I. (ed.). Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2012. Pp. 59—141.]
- Стенин 2013 — Стенин И. А. Мокшанская деривация на -v-. Доклад на Первом воркшопе по мордовским языкам (филологический факультет МГУ, 14 декабря 2013 г.), 2013. [Stenin I. A. *Mokshanskaya derivatsiya na -v-. Doklad na Pervom vorkshope po mordovskim yazykam (filologicheskii fakul'tet MGU, 14 dekabrya 2013 g.)* [Moksha derivation in -v-. A paper presented at the 1st workshop on the Mordvin languages (Moscow State Univ., Philology Department, December 14, 2013)], 2013.]
- Татевосов 2010 — Татевосов С. Г. Акциональность в лексике и грамматике. Дис. ... докт. филол. наук. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2010. [Tatevosov S. G. *Aktsional'nost' v leksike i grammatike*. Dokt. diss. [Actionality in lexicon and grammar. Doct. diss.]. Moscow: Lomonosov Moscow State Univ., 2010.]
- Тестелец 2008 — Тестелец Я. Г. Структура предложений с невыраженной связкой в русском языке // Бондарко А. В., Кустова Г. И., Розина Р. И. (ред.) Динамические модели. Слово, предложение, текст. Сборник статей в честь Е. В. Падучевой. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 773—789. [Testelets Ya. G. Sentence structure with a covert copula in Russian. *Dinamicheskie modeli. Slovo, predlozhenie, tekst. Sbornik statei v chest' E. V. Paduchevoi*. Bondarko A. V., Kustova G. I., Rozina R. I. (eds). Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2008. Pp. 773—789.]
- Цыпкайкина 2007 — Цыпкайкина В. П. Темпоральность в мордовских языках и принципы ее описания. Саранск: Издательство Мордовского университета, 2007. [Tsyпкаikaikina V. P. *Temporal'nost' v mordovskikh yazykakh i printsipy ee opisaniya* [Temporality in the Mordvin languages and the principles of its description]. Saransk: Mordovia State Univ. Publ., 2007.]
- Abraham 2011 — Abraham W. Verbs of motion. Impersonal passivization between unaccusativity and unergativity. *Impersonal constructions: a cross-linguistic perspective*. Malchukov A., Siewierska A. (eds). Amsterdam: John Benjamins, 2011. Pp. 91—125.
- Abraham, Leiss 2006 — Abraham W., Leiss E. The impersonal passive: Voice suspended under aspectual conditions. *Passivization and typology: Form and function*. Abraham W., Leiss E. (eds). Amsterdam: John Benjamins, 2006. Pp. 502—517.
- Asher 1993 — Asher N. *Reference to abstract objects in discourse*. Dordrecht: Kluwer, 1993.
- Croft 2012 — Croft W. *Verbs, aspect and causal structure*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2012.
- Dahl, Hedin 2000 — Dahl Ö., Hedin E. Current relevance and event reference. *Tense and aspect in the languages of Europe. Empirical approaches to language typology*. Dahl Ö. (ed.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2000. Pp. 385—402.
- Dowty 1991 — Dowty D. Thematic Proto-Roles and Argument Selection. *Language*. Vol. 67. No. 3. Pp. 547—619.
- Fleischman 1982 — Fleischman S. *The future in thought and language: Diachronic evidence from Romance*. Cambridge: Cambridge University Press, 1982.
- Geniušene 2006 — Geniušene E. Passives in Lithuanian (in comparison with Russian). *Passivization and typology: form and function*. Werner A., Leiss E. (eds). Amsterdam: John Benjamins, 2006. Pp. 29—61.
- Goldberg 1995 — Goldberg A. *Constructions: A construction grammar approach to argument structure*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1995.
- Haspelmath 1994 — Haspelmath M. Passive participles across languages. *Voice: Form and function*. Fox B., Hopper P. J. (eds). (= Typological studies in language. Vol. 27.) Amsterdam: John Benjamins, 1994. Pp. 151—177.
- Holvoet 2002 — Holvoet A. Impersonals and passives in Baltic and Fennic. *The Circum-Baltic languages: An areal-typological approach. Vol. 2: Grammar and typology*. Dahl Ö., Koptevskaja-Tamm M. (eds). Amsterdam: John Benjamins, 2001. Pp. 363—389.
- Karlsson 1999 — Karlsson F. *Finnish: An essential grammar*. London: Routledge, 1999.

- Kholodilova 2015 — Kholodilova M. Moksha non-verbal predication. *Suomalais-Ugrilaise Seuran Aika-kauskirja* [Mordvin Languages in the Field]. In press.
- Malchukov, Siewierska 2011 — Malchukov A., Siewierska A. Introduction. *Impersonal constructions: A cross-linguistic perspective*. Malchukov A., Siewierska A. (eds). Amsterdam: John Benjamins, 2011. Pp. 1—16.
- Peterson 1997 — Peterson D. *Facts, propositions, events*. Dordrecht: Kluwer, 1997.
- Perlmutter 1978 — Perlmutter D. M. Impersonal passives and the unaccusative hypothesis. *Proceedings of the 4th Annual meeting of the Berkley linguistic society*. Vol. 4. Berkeley, CA: Berkeley Linguistic Society, 1978. Pp. 157—189.
- Plungian, van der Auwera 2006 — Plungian V. A., van der Auwera J. Towards a typology of discontinuous Past marking. *Sprachtypologie und Universalienforschung*. 2006. Vol. 59. No. 4. Pp. 317—349.
- Primus 2010 — Primus B. Animacy and telicity: Semantic constraints on impersonal passives. *Lingua*. 2011. Vol. 121. No. 1. Pp. 80—99.
- Seržant 2011 — Seržant I. A. The so-called possessive perfect in North Russian and the Circum-Baltic area. A diachronic and areal approach. *Lingua*. 2011. Vol. 122. No. 4. Pp. 356—385.
- Shibatani 1998 — Shibatani M. Voice parameters. *Typology of verbal categories*. Kulikov L., Vater H. (eds). Tübingen: Niemeyer, 1998. Pp. 117—138.
- Tommola 2000 — Tommola H. On the perfect in North Slavic. *Tense and aspect in the languages of Europe. Empirical approaches to language typology*. Dahl Ö. (ed.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2000. Pp. 441—478.
- Turunen 2006 — Turunen R. Complex morphosyntactic features in nominal predicates in Erzya. *SKY Journal of Linguistics*. 2006. Vol. 19. Pp. 173—187.
- Turunen 2010 — Turunen R. *Nonverbal predication in Erzya. Studies on morphosyntactic variation and part of speech distinctions*. PhD thesis. Helsinki: University of Helsinki, 2010.
- Wiemer 2004 — Wiemer B. The evolution of passives as grammatical constructions in Northern Slavic and Baltic languages. *What makes grammaticalization? A look from its fringes and its components*. Bisang W., Himmelmann N. P., Wiemer B. (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2004. Pp. 271—331.
- Zaenen 1993 — Zaenen A. Unaccusativity in Dutch: Integrating syntax and lexical semantics. *Semantics and the Lexicon*. Pustejovsky J. (ed.). Dordrecht: Kluwer, 1993. Pp. 129—161.

Статья поступила в редакцию 23.01.2015.